

П.В. Советов

ЦЕНА ИНОЗЕМНОГО ГОСПОДСТВА: ФОРМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЗАВИСИМОСТИ МОЛДАВИИ ОТ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

P.V. Sovetov. The Cost of Foreign Control: Forms of Moldavia's Economic Dependence on the Ottoman Empire.

The control of the Ottoman Empire over Moldavia in XVI-XVII centuries was especially marked in limited political independence and growing economic dependence of the country. However, the opinion that the tribute («kharaj») was constantly increasing is wrong. Converting the payments into the market cost of cattle showed that kharaj reached its peak in the 80s of XVI c., while in XVII-mid. XVIII c. the size of the tribute stabilized at a rather low level.

In legal terms, a tendency to enhance foreign control was marked in sultan's administration aiming to interpret kharaj as «jizya» – a tax collected from non-Muslim countries deprived of their state sovereignty by the Ottomans. In economic terms, it was peshkesh and rushwet which received the largest spread as official and nonofficial donations mainly to enrich direct incomes of the Empire's top rulers. By the end of XVI c. they had amounted the size of several tributes and had become one of the heaviest forms of dependence along with the forced supplies of agricultural products, construction materials, free labour force, etc.

In the late XVII-XVIII cc. Moldavia, as well as Wallachia, used to give over a half of their GDP in favor of the Ottoman Empire, a fact which has no precedents in the European history. Catastrophic taxation caused bad economic crisis and conservation of feudal relations. It all led to the country's lagging far behind many other European nations. This was the price paid for Ottoman control during many centuries.

Дань и ее место в системе экономической зависимости

Наиболее существенным проявлением экономических обязанностей Молдавии перед Османской империей на первых порах была дань. В турецких источниках она именовалась «харадж» и рассматривалась османскими завоевателями как «выкуп мира» немусульманским населением. Дань имела ежегодно фиксированный размер и чаще всего платилась в несколько приемов, обычно весной и осенью. После установления османского владычества в 1538 г. дань, которая взыскивалась до этого в размере 10 тыс. золотых, стала стремительно расти (табл. 1). Буквально за два-три года она превысила в полтора раза размер, достигнутый накануне 1538 г., а еще через 10-12 лет была удвоена, а затем утроена, достигнув в середине XVI в. размера в 30 тыс. золотых.

Увеличение дани Порты связывала чаще всего с получением престола новым государем или выступала как условие для его сохранения. Из семи основных скачков в росте дани за XVI в. три произошло по инициативе государей и четыре по предложению Порты. Не случайно уже в 1567 г. турецкий великий визирь констатировал «обычай, согласно которому каждый новый государь увеличивал размер дани». Новый государь должен был вносить не только свою дань, но и долги предшествен-

ников. Например, государь Петр Хромой уплатил таковой за Янку Сасула в 80-е гг. XVI в. в размере 5 тыс. талеров и 100 коней (DMA 1959: v. XVI, vol. III, p. 430)

Систематический рост размера дани продолжался вплоть до начала 80-х годов XVI в., когда в 1582-1583 гг. был достигнут апогей – свыше 66 тыс. золотых, что соответствовало рыночной стоимости более 22 тыс. быков. Для небольшой страны, насчитывающей в то время около 40 тыс. крестьянских дворов, это было слишком тяжелое бремя. Поэтому Порты стала все реже прибегать к прямому увеличению размеров дани. Более того, Порты не всегда восстанавливала даже начавший падать с середины 80-х гг. XVI в. размер платежей. Реальный уровень дани стал резко сокращаться уже в конце XVI в. в результате стремительного обесценивания денег в ходе имевшей место революции цен. Османское казначейство фиксировало размер дани в XVI в. в аспрах – мелкой серебряной турецкой монете. Как видно из табл. 1, апогей роста был достигнут фиксацией дани в начале 80-х годов XVI в. в размере 3 940 000 аспров, что соответствовало рыночной стоимости 22 200 быков или 66 800 золотых. Последовавшее после 1584 г. катастрофическое обесценивание аспра и рост цен

Табл. 1. Эволюция размера дани в XVI – XVIII вв.

№	годы	Размер дани в золотых по курсу османской казны в XVI в. и по рыночному курсу в XVII в.	Размер дани, исчисленный в аспрах (а.) или талерах (т.)	Реальное рыночное выражение дани с учетом флуктуации монеты, динамики и революции цен. (в перерасчете на рыночную стоимость быков)
1	2	3	4	5
1	1503-1504	4000	–	2 600
2	1514-1515	8000	–	5 000
3	1528-1538	10 000	–	5 000
4	1541-1542	15 000	825 000 а.	7 500
5	1551-1552	20 000	1 140 000 а.	8 000
6	1552-1553	30 000	1 710 000 а.	12 000
7	1567-1568	35 000	2 065 000 а.	14 000
8	1568-1569	40 000	2 360 000 а.	16 000
9	1574-1575	53 000	3 150 000 а.	17 800
10	1582-1583	66 000	3 940 000 а.	22 200
11	1583-1584	53 400	3 940 000 а.	17 800
12	1584-1585	35 500	3 940 000 а.	12 200
13	1585-1586	33 400	3 940 000 а.	8 300
14	1591-1592	60 000	7 000 000 а.	12 000
15	1596-1597	26 000	3 150 000 а.	52 000
16	1599-1600	26 000	3 150 000 а.	4 500
17	1606-1619	35 000	–	5 000
18	1620-1621	46 000	5 600 000 а.	5 000
19	1636-1637	40 000	76 000 т.	5 400
20	1654-1655	55 000	–	6 500
21	1681-1682	37 000	75 000 т.	5 500
22	1689-1693	34 000	75 000 т.	5 600
23	1694-1698	20 000	40 000 т.	3 300
24	1701-1702	34 000	75 000 т.	5 300
25	1710-1711	30 000	75 000 т.	5 100

привели к тому, что уже в 1586 г., фиксированная на том же уровне (3 940 000 аспров) дань по золотому курсу соответствовала лишь 33 400 золотых, а это равнялось рыночной стоимости только 8300 быков. Попытка Порты наложить в 1588-1589 гг. на Молдавию дополнительный «налог для восстановления (курса) султанской монеты» в размере 900 тыс. аспров не могла возобновить прежний размер дани в ее рыночной стоимости. Лишь в 1591 г., после сокращения размеров дани по золотому курсу в 2 раза и падения рыночного выражения более чем в 2,5 раза, Османская Порта официально вновь подняла размер дани в монетной фиксации до 7 млн. аспров, что соответствовало по курсу того времени 60 тыс. золотых или рыночной стоимости 12 200 быков.

Антиосманское сопротивление в составе Священной Лиги, в которую, наряду с другими европейскими государствами, включилось и Молдавское государство, привело во второй по-

ловине 90-х гг. XVI в. к падению даже фиксированных в аспрах размеров дани. Она упала до 3 150 000 аспров или 26 тыс. золотых, что соответствовало рыночной стоимости примерно 5 тыс. быков. По реальной рыночной стоимости дань упала в конце XVI в. до уровня 1537-1538 гг., т.е. кануна установления османского владычества в Молдавии.

В дальнейшем, в течение XVII – нач. XVIII вв., размер дани в золотом курсе вновь стал возрастать (табл. 1). Но последствия революции цен, а затем обесценивания серебряной монеты – талера, в которой османское казначейство стало в XVII в. исчислять фиксированный размер дани, привело к тому, что реальная рыночная стоимость дани оставалась в пределах примерно 5-6 тыс. быков. Этому содействовало также то, что, начиная с 1637 г., Порта стала принимать дань, исчисленную в талерах, не по официальному принудительному курсу монет, установленному османским казначейством, как

раньше, а по рыночной флуктуации талера. Это приводило к некоторому дополнительному понижению рыночной стоимости дани, исчисленной в талерах. В то же время обесценивание рыночного курса денег накладывало на Молдавию дополнительное бремя новых налогов по «недостаче денег» для уплаты дани, ибо, как гласят документы XVII в., «они (монеты) принимаются там в казне султанской с пониженной стоимостью» (ИНХ 1976: 264).

В отдельные годы экономического упадка, наступившего в конце XVII в., разоренная Молдавия вообще оказывалась не в состоянии платить даже этот пониженный уровень дани, равный рыночной стоимости 5-6 тыс. быков и фиксированный в размере 75 тыс. талеров. Порта вынуждена была в этих условиях официально признать необходимость временного снижения фиксированных размеров дани. Так, например, 23 мая 1694 г., в разгар экономического упадка и тяжелых последствий разорительной для Молдавии турецко-польской войны, о чем говорит указ султана, дань была снижена на 35 тыс. талеров и доведена до рыночной стоимости 3300 быков. Лишь в 1699 г. было вновь добавлено 5 тыс. талеров, а в последующие 2 года по 15 тыс. талеров. Только к 1702 г. был восстановлен прежний фиксированный уровень дани в 75 тыс. талеров, а ее рыночное выражение вновь превысило стоимость 5000 быков.

Таким образом, динамика дани далеко не всегда выражала реальную картину нарастания османского владычества в Молдавии. За исключением отдельных периодов внутреннего сопротивления и внешних антиосманских войн, эта зависимость в целом продолжала расти на всем протяжении с XVI по начало XVIII вв. Рост иноземного господства отразился более заметно в стремлении османских властей отказаться от интерпретации молдавской дани как категории «выкупа мира» немусульманским населением, сохранившим свою государственную автономию. Возникла тенденция переключения платежей дани в разряд «ахл-и-зимма», т.е. экономических обязанностей немусульманского населения, проживавшего на государственных землях, непосредственно инкорпорированных в состав империи. Немусульманское население таких территорий платило не харадж, а в первую очередь «джизье» – личный поголовный налог, кроме различных других повинностей (Грозданова 1974: 161, 165, 182-183, 195).

После установления османского владычества стремление к переключению экономических обязанностей Молдавии в разряд ахл-и-зимма в одних случаях проявился более явно (попытка рассматривать дань как «джизье»), в других – более завуалированно. Хотя эта тенденция так и не была завершена, она нашла свое отражение в османском правоведении и в работах турецких хронистов, которые стали,

наряду с термином «харадж», использовать для молдавской дани термин «джизье» или близкое к нему понятие «макту» (СТ 1966: 216, 221, 364, 375).

Попытка османской интерпретации дани как разновидности «джизье», отражавшая тенденцию к усилению османского владычества в Молдавии, проявилась также в стремлении рассматривать турецкого султана как верховного феодального собственника земель страны. Такое понимание проникало даже в отдельные молдавские акты конца XVI – середины XVII вв. Авторы этих документов исходили из того, что государственная измена в Молдавии – это преступление не только против господаря, но и против султана. Злодеяние наказывалось конфискацией земельных владений молдавских феодалов. Тем самым, и в документах господарской канцелярии султан предстал как верховный собственник всех земель Молдавии. (ИНХ 1976: 135). Характерно и то, что документы XVII в. стали именовать в ряде случаев сбор налогов в пользу Стамбула «дань царская», «харадж императорский», т.е. султанский (Советов 1980: 197, 207).

Стремление приблизить молдавскую дань (как, впрочем, и дань из соседней Валахии) к понятию «джизье» – налога с инкорпорированных государственных земель империи – отразилось и в организации османского казначейства. Вначале дань из Молдавии шла во внутреннюю казну султанского двора, куда шли и платежи из Валахии и Египта. Но в течение XVII в. молдавская дань перешла в государственную казну Османской империи, куда поступала и «джизье». Например, в записях османского казначейства за 1630-1631 гг. числятся поступления по статье «джизья» в размере 15 млн. аспров с инкорпорированных земель Румелии, Анатолии, Кипра, Валахии и Молдавии (Грозданова 1974: 182-183, 198). Характерно, что дань, поступающая из Трансильвании, Рагузы (Дубровника) и некоторых других земель, сохранявших, как и Молдавия, свою государственную автономию, продолжала чаще всего рассматриваться в разряде «выкупа мира». Это еще раз свидетельствует о стремлении Порты приблизить статус своего господства и экономические обязанности Молдавии и Валахии к положению, сходному с инкорпорированными государственными землями империи.

После финансовых реформ XVII в. молдавская дань принималась одной из канцелярий государственного казначейства: канцелярией откупов рудников (мукатаа-и меадин калем), ведавшей, наряду с откупами, доходами от «джизье» Валахии и Молдавии, а также сборами от личного налога цыган Османской империи. За этим финансовым ведомством числится в 1697-1698 гг. дань из Молдавии под названием «джизье» (Грозданова 1974: 182, 184). Молдавский господарь и ученый начала XVIII в. Димитрий

Кантемир отмечал, что расписка в получении дани выдается именно начальником ведомства горных рудников (Cantemir 1973: 136).

Финансовая политика отождествления молдавской дани с поступлениями от инкорпорированных государственных земель империи отражала стремление Порты усилить не столько эту форму экономических обязанностей Молдавии, сколько правовую регламентацию всей системы зависимости. В условиях революции цен и обесценивания денег с конца XVI в. фиксированные размеры дани не могли уже отражать в экономическом плане реальное соотношение господства и

подчинения между Османской империей и подвластным ей Молдавским государством. Османская державность все больше подтачивалась коррупцией и взяточничеством. В этих условиях на первый план экономических обязанностей Молдавии выдвигается не дань, а система официальных и не официальных платежей и даров: пешкешей и различных подношений – рушветов, которые пополняли непосредственно доходы феодальной элиты Турции. Правящая верхушка Османской империи становится больше заинтересованной в этих формах экономических доходов, нежели в росте дани, которая шла мимо них в казну.

Рост роли пешкешей и рушветов

Пешкеша как платежи в пользу правящих феодальных кругов Османской империи появились в Молдавии еще до установления турецкого владычества. Они вносились помимо дани султану и сановникам Порты, чтобы снискать их благосклонность. Турецкий хронист Садедин отмечает, что уже в 1512 г. молдавский господарь отправил такие дары султану (СТ 1966: 332). Вначале эти дары не являлись обязательными платежами, не были столь велики и не вносились так регулярно, как впоследствии. Однако постепенно их число росло, а внесение пешкеша после установления турецкой зависимости превратилось в обычай. Его неуплата могла иметь для молдавских господарей неблагоприятные последствия, доходящие, в конечном итоге, до потери престола. Молдавский летописец XVII в. Григорий Уреке образно сравнивал Османскую империю с «бочкой без дна, сколько бы воды туда ни лить, ее не наполнишь, так и турок, чем больше даешь, тем больше требует, превращает дар в обычай, а потом, если не захочешь его давать, – заставляет» (Уреке 1971: 185). Это означает, что со временем пешкеша стали принудительными платежами, которые представляли собой одну из форм извлечения экономических доходов из Молдавии в пользу феодалов Османской империи.

Первое время пешкеша, наряду с деньгами, часто давались натурой – конями и ястребами для охоты султана. В Стамбул посылались также меха соболей, рыси, белки, дорогие сукна, серебряные и золотые изделия, драгоценности или просто деньги. Вначале дары не имели фиксированного характера. Однако в 1551 г. господарь Молдавии доставил в столицу Османской империи, помимо денег, 100 породистых коней, так как, согласно источникам того периода, он уже был обязан «прибыть раз в три года с подарком» (Hurtuzaki 1891: 263). В 1563 г. только один из пешкешей, отправленных в Стамбул, составлял 36 предметов серебряной посуды весом в 10 кг и боль-

шое количество дорогостоящей одежды, прошитой золотыми нитями.

Роль пешкешей быстро возрастала. Они все чаще принимали денежные формы, а по своему объему стали приближаться к хараджу, несмотря на особенно быстрый рост в это время и самой дани. Отправляя дань в сумме 30 тыс. золотых, господарь Александр Лэпушняну преподнес султану пешкеш в 20 тыс. золотых. Такой же по величине пешкеш внес в 60-е гг. XVI в. и господарь Деспот (SMIM, v.II: 11). В середине 80-х гг. XVI в. Петр Хромой привез султану пешкеш в 2 млн. аспров, равный рыночной стоимости 6 тыс. быков (там же: 14).

В дальнейшем размеры пешкешей продолжали стремительно расти, в то время как роль дани в общем объеме платежей падала. В конце XVI в. пешкеша выдвинулись на первый план, достигли размера хараджа, а затем и несколько его превысили. Турецкий хронист Мустафа Али писал тогда, что при каждом возведении на престол нового господаря великий визирь империи получал пешкеш, доходящий до 100 тыс. золотых (Cronici turcești 1966: 337). Это почти в два раза превышало самый высокий размер дани, которую когда-либо платила Молдавия. Для получения господарского престола или утверждения на новый срок С. Лупу в конце 50-х гг. XVII в. и А. Кантемир в начале XVIII в. давали в качестве пешкеша по 150 тыс. талеров (SMIM, v.2: 23-24). Данная сумма в два раза превышала размер дани того периода. Пешкеша вдвое превышали размеры дани и в 40-х гг. XVII в., в период правления Василе Лупу (Codex Bandinus, 138).

В течение XVI – начале XVIII вв. возрастали не только размеры пешкешей. Одновременно увеличивалось и число их разновидностей. Пешкеша приобретали характер как официальных, так и неофициальных платежей, хотя четкую грань между ними не всегда удается провести. Официальные пешкеша могли иметь фиксированный характер. Нередко их величина уточнялась в документах Порты, чтобы вноситься к

определенным случаям, согласно протоколу султанского двора. При этом полученные деньги зачислялись как законные платежи. Турецкий хронист Селаники выделяет такие официальные пешкеши в 1588-1583 гг., отмечая, что из Молдавии они были «получены по закону» (СТ 1966: 361). В берате 1620 г., пожалованном господарю А. Илиашу, пешкеши, посылаемые сановникам Порты, также рассматривались как официальные платежи.

Среди официальных подношений этого рода на важнейшее место выдвинулся пешкеш, который выплачивался по случаю назначения на престол нового господаря, затем, каждые три года, при подтверждении его легитимности (Грозданова 1974: 243). С XVII в. данный пешкеш стал называться «великий мукарер» – подтверждение, утверждение. Кроме того, для обеспечения сохранения трона вносился и ежегодный «малый мукарер» (Cantemir 1973: 81-85). Размеры этих пешкешей фиксировались путем длительных торгов между господарем и Портой. Свидетель этих событий Димитрий Кантемир отмечал, что обычно «визирь, хотя и добился у султана возможности утвердить господаря, но дабы выманить побольше денег, скрывает это от господаря» и тем временем добивается повышения размеров пешкеша на подарки султану, визирю и их приближенным. «Торгуются до тех пор, – отмечает очевидец, – пока не будет удовлетворено безудержное корыстолюбие и чванство, царящее при дворе султана». (Кантемир 1975: 82-83). При жизни самого Димитрия Кантемира, в конце XVII – начале XVIII вв., вошло в обычай давать султану, его матери и четырем высшим сановникам Порты пешкеш в размере 54 тыс. талеров. «Подарки остальным придворным султана доходят до 40 тыс. империалов». Всего, таким образом, пешкеш «великого мукарера» составлял почти 100 тыс. талеров. «Однако очень часто, – пишет Димитрий Кантемир, – эти издержки составляют триста тысяч талеров». В то же время ежегодный малый мукарер достигал еще 25 тыс. талеров (Кантемир 1975: 138).

Тяжесть таких огромных платежей целиком ложилась на плечи рядового населения Молдавии. В XVII в. появилась специальная дополнительная подать – «дань скипетра»: по 2 золотых с каждого крестьянского двора, которая взыскивалась при уплате «великого мукарера» (Советов 1980: 204). Помимо мукарера, среди официальных подношений особое место занимал пешкеш к празднику байрама, который позже стал называться «байрамлык». Его внесение фиксировалось в реестрах османской казны. Например, в 1680 г. числится пешкеш к байраму для султана в размере 2 млн. аспров (свыше 10 тыс. талеров). Размеры байрамлыка со временем также возрастали. Его подносили не только султану, но и его матери, великому визирю, дарисадету (старшему евнуху), ке-

хае (заместителю визиря по внутренним делам), рейс-эфенди (главе внешнеполитического ведомства), тефтердару (казначее) и другим, более мелким, чинам Порты. Всего размер этого ежегодного пешкеша по данным второй половины XVII – начала XVIII вв., приближался к 90-100 тыс. талеров, намного превышая дань того периода – 75 тыс. талеров (Кантемир 1975: 137).

В итоге основные официальные пешкеши, мукарер и байрамлык, в своей совокупности в несколько раз стали превышать размер дани. Однако помимо них было еще много других более мелких пешкешей и просто даров-рушветов, которые вносились по разным поводам: при вступлении на престол нового султана, посещении страны или проезда по ее землям османских сановников, по случаю успешных походов османской армии, рождения или свадьбы детей султана, исполнении предписанного Портой ритуала возведения на престол молдавского господаря и многим другим (СТ 1966: 332, 337). В последнем случае одаривались те османские сановники и служилые люди, которые сопровождали господаря из Стамбула до столицы Молдавии. В 1561 г. Ферхад-паша, который возвел на престол Деспота, получил пешкеш от господаря: 1500 золотых, 100 коней, 18 расшитых золотом кафтанов, 40 штук дорогого сукна (Грозданова 1974: 243). Со временем такой вельможа получал не менее 10-15 тыс. золотых, а сопровождавшие его служилые чауши и многочисленные капузии брали дары от 50 до 700 золотых каждый. (Кантемир 1975: 136; СТ 1966: 336-337). Пешкеши и рушветы давались и в канцелярию, которая оформляла фирман султана на господарский престол. Александр Лэпушняну внес по этому случаю начальнику канцелярии 300 золотых, секретарю 250 золотых и писцам по 50 золотых, всего 600 золотых – рыночная стоимость 200 быков (ИНХ 1976: 217). Одаривались и те придворные султана, которые прибывали в Молдавию за данью. По свидетельству Димитрия Кантемира, по такому случаю давалось 7500 талеров и соболья шуба, что составляло десятую долю хараджа того периода. И вообще, если какой-либо «придворный султана, – пишет современник, – посылался к господарю с повелениями, то он не должен возвращаться без приношений» (Кантемир 1975: 136-137). Дары старались получать даже с низложенного господаря. Ему разрешали отбыть из молдавской столицы со своей казной в Стамбул, где он мог получить снисхождение и милость султана «при помощи больших денег и значительных подарков» (Кантемир 1975: 92).

Особое место в неофициальных платежах занимал подкуп сановников Порты и самого султана с целью получения престола. Думитрашко Кантакузино, занимавшийся торговлей драгоценностями, получил в XVII в. престол лишь после того, как преподнес султану искусно

сделанный серебряный фонтан (Кантемир 1975: 56). Для уплаты дани, пешкешей и рушветов господари и претенденты брали баснословные для тех времен займы, на условиях огромных процентов (СТ 1966: 337). В начале 90-х гг. XVI в. господарь Арон задолжал десятки миллионов аспров – сумму, которая во много раз превышала не только размер дани, но и весь государственный бюджет Молдавии. Турецкий хронист того времени Мустафа Али признавал, что «смена господарей разорила страну в результате рушветов» (СТ 1966: 337). Господари вносили немало рушветов и послам великих держав, которые могли оказывать влияние на султана и его двор. Сохранился документ, свидетельствующий о том, что в 60-х гг. XVII в. господарь Александр Илиаш отправил английскому резиденту в Стамбуле, в благодарность за содействие в получении престола, богатые дары. Они состояли из 18 тыс. овец и драгоценностей на 5 тыс. золотых (Tahsin Gemil 1977: 1528, nr.8). Размер этого рушвета равнялся почти половине тогдашней дани. А ведь это случайно сохранившийся документ такого рода. Как правило, рушветы вообще не фиксировались в источниках, а преподносились они за счет молдавской казны всем, кто мог оказать влияние на решения Порты в Стамбуле, начиная от турецких сановников до личного врача султана, а в провинции – от крымского хана до правителей вилайетов и санджаков европейской части Османской империи. Подношение рушветов было одним из основных занятий представи-

телей господаря в Стамбуле – капукехаев. Они должны были систематически следить за тем, кто в данный момент может оказать влияние на решения султана и Порты, и немедленно преподносить им рушветы. Один из таких представителей в отчаянии докладывал в первой половине XVIII в., что в Стамбуле «все просят дары... многие обижены, не получая рушветов, а если давать всем, не хватит не только всех доходов Молдавии, но и целой империи» (RDM 1985: 83, 133).

Молдавские средневековые авторы и турецкие хронисты отмечали, что господарским престолом овладевал тот, кто давал больше даров и денег, пешкешей и рушветов. Турецкие сановники, получая эти дары, поддерживали своих клиентов, а многочисленные стамбульские кредиторы старались обеспечить за своими должниками престол в надежде рассчитаться за счет доходов из Молдавии. Эти кредиторы обращались иногда и к самому султану, указывая что «все их состояние перешло в султанское казначейство», т. к. одолженные молдавскими господарями деньги поступали туда в качестве платежей (СТ 1966: 365).

Пешкеш и рушветы приносили Османской феодальной верхушке большие экономические выгоды. По мере усиления османского владычества эти платежи приводили к выкачке из Молдавии все более значительных материальных и денежных ценностей, став одной из наиболее тяжелых форм экономической зависимости Молдавии от Османской империи.

Принудительные поставки

Одной из тяжелых экономических форм иноземной зависимости Молдавии была обязанность поставлять продовольствие. Продовольствием из Молдавии снабжались города и крепости османской империи, в первую очередь столица, а также войска и крепостные гарнизоны, особенно во время войн с Польшей и Габсбургской империей. Венецианский посол доносил своему правительству в 1578 г. о значительной роли, которую играют поставки скота и зерна из Молдавии для снабжения Стамбула (Грозданова 1974: 247).

Относительно ограниченный до поры вывоз сельскохозяйственных продуктов из Молдавии в Османскую империю после установления турецкого господства значительно вырос. Экономические интересы Молдавии все более ущемлялись. Следует обратить внимание на то, что выбор товаров стал приобретать все более явно выраженный принудительный характер, став одной из форм экономической зависимости страны от Османского государства.

Принудительный характер поставок проявлялся в том, что Порты начала требовать закрепления за каждой категорией продуктов из Молдавии определенного количества голов скота (овец, быков, коней), жиров, зерна (ячменя,

овса, пшеницы), меда, воска и др.

Первые требования Порты о доставке определенного числа овец для продажи в Стамбуле появились в 40-х гг. XVI в., то есть через несколько лет после установления османского владычества в Молдавии. С 60-х гг. XVI в. Порты стремилась фиксировать ежегодные квоты поставки в размере 100 тыс. овец, 12 тыс. быков, 100 тыс. кил (2225 тонн) зерна (Восточные источники: 265-267, 269, 275). В дальнейшем Османской империи удалось навязать такие объемы поставок лишь в отношении овец и зерна, а нередко они даже были выше. Для их обеспечения еще в 60-е гг. XVI в. султан в своих фирманах пытался запретить вывоз скота из Молдавии в Польшу и Западную Украину, предписывал гнать его для продажи только в Османскую империю (Грозданова 1974: 254, 277). Но Порте не удалось полностью монополизировать экспорт товаров молдавского сельского хозяйства, за исключением государственных поставок зерна, которое не вывозилось в какие-либо другие страны.

Принудительный характер закупки скота проявлялся и в том, что Порты начала применять практику прикрепления определенных районов Молдавии для снабжения Стамбула и

османской армии. Для снабжения овцами султанской кухни уже в конце XVI в. были прикреплены три уезда: Ясский, Сучавский и Тигечский. Они должны были ежегодно поставлять 20 тыс. овец. Димитрий Кантемир отмечает, что в период его жизни в конце XVII – начале XVIII вв. турецкие купцы приобретали для кухни султана в Молдавии 60 тыс. овец лучших пород (Кантемир 1975: 38). Повеления султана предусматривали беспрепятственный доступ официальных частных турецких джелепов и касапов (торговцев, заготовителей скота) для принудительной закупки скота в Молдавии. Зерно должно было доставлять само Молдавское государство, в результате чего эти поставки во многом вообще теряли свой товарный характер. Нередко зерно, которое шло в Стамбул, султанским конюшням, для снабжения армии (Грозданова 1974: 265-267, 275), зачислялось в счет дани. В 1698 г. поставки ячменя были вообще зачислены в уплату «молдавской джизье» (Грозданова 1974: 198). Господарские люди часто закупали зерно у населения за деньги или даже за границей (ИНХ 1976: 242-243). С 1679 г. в Молдавии была введена специальная государственная зерновая повинность «килы императорские» для обеспечения поставок османской армии (Советов 1980: 209-210). За ее счет в конце XVII в. турецкому гарнизону в Каменце отправлялось ежегодно по 1500 возов хлеба.

Закупки скота осуществлялись джелепами за наличные деньги или взамен долгов господаря стамбульским кредиторам, иногда в счет дани (Кантемир 1975: 137-138; Грозданова 1974: 246, 253). Сохранилась запись 1591 г. о закупке скота в Молдавии турецкими джелепами и касапами. В принудительном порядке каждый двор должен был продать по фиксированным ценам не менее одной овцы (ИНХ 1976: 198) Еще одна партия овец была взята в том же году вместо десятины с овец в счет долгов господаря стамбульским купцам.

Принудительными были не только закупки, но и цены, которые предлагала турецкая сторона. На первых порах, в середине XVI в., фирмы турецкого султана предписывали джелепам в Молдавии «закупать овец и крупный рогатый скот за их собственные деньги... по справедливой цене» (Грозданова 1974: 263-265, 269, 279). Но вскоре установились заниженные, по сравнению с рыночными, фиксированные цены на скот и зерно. Уже в 60-х гг. XVI в. османские власти отметили закупочную цену одной килы ячменя в 6 аспров, в то время как в Стамбуле она стоила 11-12 аспров (Грозданова 1974: 246-275). Поскольку Молдавия должна была поставить 100 тыс. кил, это означало потерю для страны в полмиллиона аспров (около 10 тыс. талеров). Димитрий Кантемир свидетельствует, что ответственные за принудительные поставки джелепы «... закупив по дешевой цене целые стада крупного и мелкого рогатого скота, отправляют его в Константинополь и дру-

гие города и там продают по двойной или тройной цене» (Кантемир 1975: 148).

Фактически получалось, что вывоз сельскохозяйственной продукции по принудительно заниженным ценам в Османскую империю в определенной степени осуществлялся бесплатно, носил грабительский характер, был результатом османского владычества в Молдавии.

Еще одной тяжелой формой экономических обязанностей Молдавии перед Османской империей стало предоставление рабочих рук и транспорта, а также строительных материалов для ремонта турецких крепостей, дорог, перевоза военных грузов для султанской армии и администрации. Поставки строительных материалов включали и доставку леса для буджакских татар, вассалов и союзников султана (Кантемир 1975: 37).

Первые требования такого рода со стороны завоевателей отмечены уже в конце 40-х гг. XVI в. Особенно значительным был принудительный труд салахоров-чернорабочих. Трудовые повинности в пользу Османской империи нарастали после освободительных войн молдавского народа и украинских казаков против турецкого владычества, приводивших к разрушению многих турецких военных укреплений. В 1583 г. для ремонта крепости Бендеры Молдавское государство должно было направлять ежемесячно 500 салахоров (6 тыс. в год). Иногда требовали намного больше. Например, в 1567 г. господаря Петра Хромого обязали отправить для восстановления разрушенных казаками укреплений у Очакова до 15 тыс. салахоров, в то время как в стране насчитывалось всего 40 тыс. крестьянских дворов (Грозданова 1974: 252). Причем господарь должен был это сделать «за свой счет». Порта все реже оплачивала такие работы, иногда зачисляя их в счет дани. В связи с этим в Молдавии со временем была введена специальная «салахорская повинность» для крестьян в виде земляных строительных и ремонтных работ по укреплению турецких крепостей, дорог, мостов (Советов 1980: 212). В 1674 г. все разряды крестьян были обложены особой «бурлацкой повинностью» для набора гребцов и бурлаков. Собранные таким образом люди должны были доставлять по рекам продовольствие и военные грузы турецким крепостным гарнизонам в Каменце, а позже и в Хотине (Грозданова 1974: 209).

Одной из самых изнурительных для молдавской стороны трудовых обязанностей было предоставление транспорта для османской армии и администрации. Такие требования со стороны Порты появились уже в конце 50 – начале 60-х гг. XVI в. (Грозданова 1974: 251). Затем они становились все более частыми. В 1568 г. господарю было предписано предоставить 800 коней для транспортных перевозок османской армии. В следующем году потребовалось больше коней и телег для этих перевозок. В одном из более поздних предписаний Порты

Молдавия обязывалась предоставить 220 воловьих упряжек с возчиками, сроком на 48 дней, для перевозки турецкой артиллерии из Рени до Хотина и с отнесением расходов в счет дани (Грозданова 1974:192-193). Указание, что их стоимость будет вычтена из дани (Грозданова 1974: 251), делалось все реже, хотя масштабы транспортных перевозок возрастали. В 1587 г. господарь Петр Хромой должен был, помимо салахоров, выставить «за свой счет» еще 300 возов для транспортных нужд по ремонту очакских укреплений (Грозданова 1974: 252).

Требования Порты привели к возникновению в Молдавии XVII – начала XVIII вв. многочисленных государственных гужевых повинностей специально для этого предназначенных: «возы императорские» – для гужевых нужд турецкой армии и администрации; «возы хотинские» – подводная повинность для снабжения османского войска у Хотина; «быки императорские» – поставка тяглого скота для гужевых нужд османов (Советов 1980: 209, 211-212).

По мере усиления иноземного владычества возрастала степень экономической зависимости Молдавского государства от Османской империи. Это нашло свое отражение и в стремлении Порты приблизить статус принудительных продовольственных поставок, трудовых и транспортных обязанностей Молдавии к уже упомянутой системе ахл-и-зимма, т.е. соответствующим повинностям и закупкам по заниженным

ценам, которые распространялись на немусульманское население инкорпорированных земель империи – сюрсат захиреси, нузул захиреси, адет-и агнам, иштира, мукайесе, бедел-и мекьяри (Грозданова 1974: 182, 195-198).

Проявлялось то же стремление, что и в отношении дани-джизье: приблизить статус экономических обязанностей Молдавии к инкорпорированным землям империи. Но по фактическим размерам они в Молдавии, как и в соседней Валахии, были намного выше. Это достигалось особенно за счет системы пешкешей и рушветов, которые в таком масштабе не поступали с инкорпорированных земель. В связи с этим налогообложение крестьян на бывших территориях Молдавии, инкорпорированных в состав империи (санджаках Бендеры, Аккерман, Килия, Татар-Пынары) было ниже (Грозданова 1974: 176-177, 187; Советов 1980: 279-281), хотя там более тяжкими оказались другие формы угнетения – результат непосредственного господства иноземных поработителей.

Таким образом, несмотря на установление своеобразных форм турецкого владычества в Молдавии, экономический гнет империи был здесь фактически не ниже, а в некотором отношении даже выше, нежели на многих инкорпорированных землях. Это привело к постепенному обеднению и в конечном итоге к общему экономическому упадку страны, который начал проявляться в последних десятилетиях XVII – начале XVIII вв.

ЛИТЕРАТУРА

- Грозданова Е. 1974. Налог джизье с балканских земель // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Вып. III. М.
- Дмитриев П.Г., Советов П.В. 1965. Роль централизованного пути присвоения прибавочного продукта с крестьян феодальной Молдавии XV-XVIII вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1963 г. Вильнюс.
- Драгнев Д.М. 1975. Сельское хозяйство феодальной Молдавии (конец XVII – начало XIX вв.). Кишинев.
- ИНХ 1976 – История народного хозяйства Молдавской ССР. 1976. С древнейших времен до 1812 г. Кишинев.
- Кантемир Димитрие. 1988. Дескриеря Молдовей. Кишинэу.
- Некулче Ион. 1974. О самэ де кувинте. Летописецул Цэрий Молдовей. Кишинэу.
- Советов П.В. 1980. Развитие феодализма и крестьяне Молдавии. Кишинев.
- Советов П.В. 1986. Общее и особенное в типологии феодализма на Руси и в Дунайских княжествах // Известия АН МССР. № 2, № 3.
- Уреке Григоре. 1971. Летописецул Цэрий Молдовей. Кишинэу.
- Berza M. 1957. Studii și materiale de istorie medie. Vol.II. București.
- Cantemir Dimitrie. 1973. Descrierea Moldovei. București.
- Codex Bandinus. 1895. București.
- Columbeanu S. 1961. Caracterul exploatării feudale a țărânimii în deceniile anterioare răscoalei lui Tudor Vladimirescu // Studii. nr. 3. P. 585-586;
- CT 1966 – Cronice turcești. Privind țările romane. Vol. I. București.
- Documenta Romîniei Historica. 1971. A. Moldova. Vol. XXI. – București.
- DMA – Documente privind istoria Romîniei. A. Moldova. Veacul XVI. 1951. Vol. III. București.
- Documente privind istoria Romîniei. 1968. Vol. III (1653-1675). P. 495; 1970. vol. IV. P. 24, 95, 207, 399. București.
- Iorga N. 1904. Studii și documente cu privire la istoria românilor. București. Vol. VI P.354.
- Istoria Romîniei. 1962. Vol. II. P. 788; 1964. Vol. III. P. 708. București.
- Hurmuzaki E. 1891. Documente privitoare la istoria românilor. Vol. II. Partea I. București. P. 263.
- Kogîlniceanu M. 1872-1874. Cronicile Romîniei sau letopisețele Moldovei și Valahiei Ed. II. București. T. II. P. 38.
- Maxim M. 1972. Bulletin. Association Internationale d'Etudes Sud-Est. Européen. Tome X. nr.2. P. 233-261; Revue des Études Sud-Est Européen. 9/32. 1979. P.1731-1765.
- RDM la Constantinopol. 1985. Rapoartele inedite ale agenților lui Mavrocordat. București. P. 83, 133.
- Revista arhivelor. 1984. Nr. 2. P. 203-212.
- Studii și materiale de istorie medie. 1957. Vol. II. București.
- Tahsin Gemil. 1977. // Revista de istorie. București.
- Veliman V. 1982. // Anuarul Institutului de istorie și arheologie «A. D. Xenopol». XIX. Iași. P. 282-300.